

Николенко-Крылова А. В.

Повесть о Жизни, Смерти и Выборе

Анастасия Николенко-Крылова

Туман

<https://litres.ru/74193874>

SelfPub; 2026

Аннотация

В центральном парке города вовсю занималась весна. Анна Сергеевна, старшая медсестра реанимации, спешила на смену и случайно забыла на скамейке книгу Достоевского. Она ещё не знала, что эта мелочь запустит цепочку событий, которые изменят судьбы сразу нескольких человек. И свяжут настоящее с прошлым, которое отказывается умирать.

В тот же вечер подросток Кэт попадает в аварию. В коме она проживает чужую жизнь — полную боли, огня и партизанских лесов. Жизнь девушки Кати, которая поклялась на крови отомстить за сожжённую деревню. А когда Кэт очнётся, память о той жизни останется с ней навсегда. Как и вопрос: кто предал отряд в 1942 году?

Но память — опасная вещь. Особенно для тех, кто привык считать себя неуязвимым. В городе живёт старик, ветеран, облаканный славой и наградами. И он очень не хочет, чтобы кто-то ворошил прошлое, в котором он — не герой, а палач. Туман, что когда-то прятал партизан, ещё не рассеялся. И он снова сгущается.

Содержание

ПРОЛОГ	4
Глава 1 Начало конца	8
Глава 2 Когда Тина затягивает	11
Глава 3 Noblesse oblige	15
Глава 4. Вот Бог, вот порог	20
Глава 5 Дни минувшего будущего	23
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Анастасия Николенко-Крылова Туман

ПРОЛОГ

*Мы не рождаемся ни хорошими, ни плохими.
Такими мы становимся
Вернее, такими **нас делают**: окружающие люди,
вещи и обстоятельства.
AntaraktioRa*

В центральном парке города вовсю занималась весна. Молоденькая травка ещё несмело пробивалась из земли и тянула свои новорождённые листья-стрелы к капризному апрельскому солнцу. Деревья и кусты тоже уже проснулись и спешили обзавестись новыми нарядами всех оттенков зелёного: жизнь бурлила и не собиралась увядать в остатках прошлогоднего снега. Люди, как и мир вокруг, старались скорее проснуться от зимней хандры и не отставать от природы: гулять, дышать воздухом и наслаждаться теплом, на короткий миг забыв о вечной гонке, долгах и тревогах. Всё это казалось неважным здесь и сейчас, когда дышалось так легко и свободно.

Парковая атмосфера в любом городе одинакова: люди гуляют, сидят на скамейках, эстетично попивают кофе, иногда что-то жуют и говорят. Каждый о своём, важном, и никто о чужом. О новостях, о погоде, о знакомых, о соседях, политиках, ценах, природе, детях. Всё как обычно в любое время и любом другом месте.

Обычный город, простые люди и стандартная жизнь. Бег на месте по замкнутому кругу. *Но как человеку разорвать этот круг? Как перестать быть одним из многих и стать тем, кто сам решает свою судьбу? Кто не плывет по течению, подобно известной субстанции, а борется, даже если течение слишком сильное?*

Анна Сергеевна, старшая медицинская сестра отделения анестезиологии-реанимации государственной клинической больницы, отложила в сторону свою книгу и рассеянно наблюдала за тем, как двое рабочих в спецовках, перебрасываясь шутками, развешивали на фонарных столбах первые праздничные флаги. В воздухе запахло скорым маем и чем-то тревожно-торжественным.

Глядя на беззаботную толпу, которая и не замечала этих приготовлений, занятая своими кофе и разговорами, Анна Сергеевна думала не о флагах. Она думала о том, с чем сталкивалась каждый день в реанимации - о боли, которую не спрячешь за словами, и о людях, которые выбирали не молчать. Тех, для кого бездействие было как остановка сердца - смертью души, наступающей прежде смерти тела.

О тех, кто совершал подвиги не ради славы в веках или искупления, как античные герои, а потому, что просто не мог иначе. Потому, что молчание и бездействие были для них равносильны смерти души. Они подарили надежду и будущее другим - часто чужим, незнакомым людям, - а сами растворились в реке времени. Она слишком хорошо знала цену и жизни, и смерти, чтобы считать такие жертвы просто красивыми словами из учебника истории.

Эти герои не были только солдатами. Ими становились дети, женщины, старики, монахини и падшие женщины с сердцем праведниц. Их национальность и происхождение были не важны. Только вера в Свет, Правду и Добро. Ибо настоящие подвиги совершаются не ради воздаяния, а потому, что иначе нельзя.

Анна Сергеевна вздрогнула, заметив время на телефоне, и поспешно одёрнула себя. Пора. Её смена - это тоже поле боя, пусть и невидимое для этих беззаботных прохожих. Она поспешила покинуть парк, ещё не заметив, что в спешке забыла на скамейке свою книгу - «Преступление и наказание» Фёдора Достоевского. Не знала она и то, что эта её спешка и забывчивость уже нарушила невидимый порядок вещей. И она словно камешек, столкнутый с горы неосторожной ногой, блуждающей в тумане, скоро *вызовет сход лавины*. Но главное - Анна не знала, что именно ей суждено стать тем самым тихим голосом, который однажды пробьётся сквозь беспросветную белёсую тьму туда, где его, казалось бы, уже

никто не ждёт.

Глава 1 Начало конца

*На одном плече у тебя сидит Ангел,
на другом Демон. И только ты решаешь, куда
повернуть голову и кого слушать.*
AntaraktioRa

Подростки в Парке Победы совсем распоясались: орали друг на друга, размахивали телефонами, кляня на чем свет стоит то связь, то неработающий VPN, то правительство, то уж Бог весть кого ещё. Старик в инвалидном кресле, сидевший поодаль, поморщился и, повернувшись к своему сопровождающему - мужчине неопределенного возраста, - махнул сухой ладонью:

- А вот в наше время ребята были другими, знаете ли. Добрее, умнее, послушнее. Дети войны, что уж тут говорить. Не то что эти. И чего им не хватает? Еда есть, вода, игрушки, общение, прочие радости. Так нет же, маютюкаются и не стесняются с голыми пупками разгуливать. Тьфу ты, бесы!

- Ладно вам, Владислав Борисович, - спокойно улыбнулся сопровождающий. - Это дети. Подрастут - поумнеют. Вот вы говорите, что помните войну, а сами служили? Сколько вам тогда было? Лет пятнадцать-шестнадцать?

Старик оживился. Видно было, что этого вопроса он только и ждал:

- Служил, да только не солдатом. Партизанил по лесам. В

землянке жил, налеты на фрицев устраивал. Командиром отряда «Черная гроза» был. Ох, и давно это было - он вздохнул и уставился куда-то поверх деревьев. - Друзья мои погибли все. Один я выжил. Только говорить о себе стеснялся, почти полвека молчал. А как железный занавес пал, понял: пора потомкам знать. Стал рассказывать людям. Вот и наградные у меня есть. А скоро еще и подарки привезут: печенье там, конфеты, телеграммы поздравительные со всех концов страны. Заслужил! Верой и правдой! - Глаза старика радостно сузились. Он радовался тому, как его слушает его внимательный незнакомый человек.

- Что ж, - задумчиво произнес тот, выдержав короткую паузу. - Я думаю, что страна должна знать - он чуть запнулся, будто пробуя фразу на вкус, - своих героев. Расскажите о себе для наших читателей? Я ведь не представился - Крылатов Виктор Сергеевич, корреспондент газеты «Правда». Несказанно рад, что встретил такого человека.

- Ох, молодой человек! Вы даже не представляете, как мне приятно! - засуетился старик. - Замечательное предложение. А давайте переместимся ко мне домой, там за рюмкой чая всё и обсудим. У меня даже фотография найдется я там рядом с командир э-э-э Да Бог с ней, с фотографией. Я её, наверное, и не найду уже. В общем, как сказал Гагарин: поехали!

Старик подхватил колеса своего кресла и довольно резво покатил к выходу из парка. Виктор Сергеевич задержал-

ся ровно на пару секунд. Он машинально похлопал себя по внутреннему карману пиджака - на месте ли диктофон, блокнот, ручка. Привычка опытного репортера, который почуял интересный материал. Владислав Борисович явно нервничал, даже споткнулся на полуфразе, но с кем не бывает - старые люди часто путаются в воспоминаниях. Или не хотят ворошить что-то лишнее.

«Ничего, - подумал Виктор Сергеевич, поправляя манжет рубашки. - За чаем разговоримся. Такие истории любят, когда их слушают». Он улыбнулся, но улыбка вышла задумчивой - скорее, вежливая маска человека, привыкшего выслушивать чужие исповеди. Он неторопливо двинулся вслед за стариком, на ходу прикидывая, с какого вопроса лучше начать интервью.

Глава 2 Когда Тина затягивает

Парк постепенно пустел. Солнце скатилось за верхушки тополей, и аллеи заполнил тот тревожно-прозрачный вечерний свет, при котором тени кажутся длиннее, а люди - беззащитнее. Там, где полчаса назад немолодой журналист слушал разговорившегося старика, теперь находились трое подростков. Со стороны - обычная компания после школы: две девушки и парень. Но воздух между ними звенел так, будто кто-то натянул невидимую струну до предела.

Тина стояла, уперев руки в бока. Светлые волосы, собранные в небрежный пучок, сердито растрепались, на щеках горели два пятна румянца. Одета как почти любая девчонка в их районе - джинсы, короткая футболка, кеды. Ничего особенного. Только вот взгляд - слишком пристальный, слишком долго задерживающийся на Дэне, даже сейчас, когда она кричала на него, даже когда он смотрел сквозь неё на Кэт. Ей пятнадцать, и она ещё не научилась прятать то, что жжёт изнутри.

Дэн сидел, развалившись на спинке скамейки, и лениво крутил в пальцах телефон. Он старался выглядеть крутым и старше своих лет, но эта напускная брутальность сидела на нём как пиджак с чужого плеча: чуть великовата, чуть не по размеру. При Тине он всегда включал этот режим - просто

потому что не знал, как иначе обороняться от её нападков.

Кэт, темноволосая, с лёгкой, почти кошачьей грацией в движениях, сидела поодаль, обхватив колени. Она смотрела на Дэна тем особенным взглядом, в котором читалась нежность - такая глубокая, будто она знала его не одну жизнь, будто их души уже когда-то встречались и теперь просто узнали друг друга заново. На сестру она поглядывала с лёгкой снисходительностью: ребёнок опять шумит. Тина для неё так и осталась маленькой, которую нужно прощать и не принимать всерьёз.

- Так, всё, Тина. Вали-ка ты домой, - бросил Дэн, не поднимая глаз. Голос прозвучал грубее, чем ему самому хотелось.

- Ну и пожалуйста! - Тина дёрнула плечом. Голос сорвался, и в нём было что-то помимо злости. Что-то, от чего Кэт на мгновение перестала дышать, хотя сама не поняла почему. Просто на секунду показалось, что младшая сестра не шутит.

Тина резко развернулась, запустила в сестру пустой банкой из-под энергетика - та неловко увернулась, - плюнула в сторону Дэна и стремительно зашагала прочь, вглубь парка, где тени уже стали совсем чёрными.

- Спасибо, Дэн, - негромко сказала Кэт, провожая сестру взглядом. - А то я уж думала, что в парикмахерскую не с чем будет идти.

- Да уж - он наконец выпрямился, отложил телефон и про-

вёл ладонью по лицу. - Характер у неё.

С уходом Тины Дэн словно выдохнул. Стал мягче, тише, заговорил нормальным голосом, без этой ленивой растянутости. Кэт заметила это, и внутри у неё разлилось что-то тёплое - ей нравился этот настоящий Дэн. Не тот, что пытается казаться крутым, а тот, что прячется внутри. Она ничего не сказала, просто чуть ближе придвинулась к нему.

Минут через пятнадцать подтянулись ещё несколько парней и девушек. Компания загудела - кто-то показывал видео на телефоне, кто-то ржал над чужой историей, кто-то просто молчал. Время полетело незаметно, как всегда, когда людям весело и хорошо. Вскоре стемнело, и деревья-художники принялись рисовать тенями на асфальте причудливые фигуры.

Кэт взглянула на часы и тихо шепнула Дэну на ухо:

- Мне пора. Я обещала вернуться пораньше. Отвезёшь?

- Слушай, Кэт, давай останемся, а? Гор обещал сегодня развлекуху.

- Чего он там придумал?

- Не знаю, но говорит - будет интересно

- Ладно. Но ты меня отвезёшь по первому требованию.

- Договорились, - улыбнулся Дэн, протягивая ей раскрытую ладонь. Кэт вложила свою, и он мягко сжал её пальцы.

Потом Дэн потянулся к чехлу с гитарой, прислонённому к скамейке. Компания притихла. Он тронул струны, и над вечерним парком поплыл негромкий, чуть хриловатый голос:

Свет далёкой звезды, песни птиц до утра Ты смотрела в глаза мои, шептала слова Ты не верила мне, но любила меня Я оставил с тобой Половинку себя

Он пел, глядя на Кэт, и в этом взгляде были тепло и ещё что-то беззащитное, что он никогда не показывал при других. Кэт слушала, и мечтательно закрыла глаза, ведь она любила этот голос и этого парня. И глядя в его глаза сейчас, она почувствовала узнавание - будто они уже стояли так когда-то. *Не знала она только одного: что Тина не ушла далеко. Что младшая сестрёнка стоит за кустами сирени, в густой тени, и тоже слышит эту песню и видит их. Её брошенные слова «ты об этом пожалеешь» были не просто истерикой. Это было обещание. А пока Алевтина стояла в зарослях сирени и впервые в жизни чувствовала, как внутри, под рёбрами, что-то ломается - тихо, без свидетелей, меня её навсегда.*

Глава 3 Noblesse oblige

*Ночь, улица, фонарь, аптека,
Бессмысленный и тусклый свет.
Живи еще хоть четверть века -
Всё будет так. Исхода нет.*

А. Блок

Гор появился внезапно, как и обещал, - вынырнул из темноты, долговязый, нескладный, но с той странной уверенностью, которая в семнадцать лет сходит за харизму. Компания обступила его, загоготала приветственно.

- Ну чё, народ? Повеселимся? Айда за мной.

Он двинулся первым, и все потянулись следом - так, будто сомнений и быть не могло. Аллея вывела их к Вечному огню. Металлическая звезда тускло мерцала в темноте, и пламя, припорошенное ветром, колыхалось, как дыхание спящего. Языки огня отражались в глазах подростков, и в этих отблесках лица казались старше, тревожнее, будто на мгновение проступила их подлинная суть - растерянная, голодная до смысла, но не знающая, где его искать.

- В круг, - скомандовал Гор, и его послушались.

Он встал посреди них, выпрямился, вскинул подбородок - ни дать ни взять оратор на форуме. Но говорить начал не напыщенно, а почти интимно, с той особенной подростковой

интонацией, которая прикидывается цинизмом:

- Знаете, что про нас говорят предки? Что мы кон-чен-ные. Что нам ничего не надо. Что память не чтим, подвиг не уважаем. - Он обвёл глазами лица, задержался на каждом на секунду. - Ну чё, докажем, что это не так?

В толпе неуверенно закивали. Кто-то хихикнул - и осёкся. Никто из них не верил ни в Бога, ни в чёрта - каждый считал себя выше этих «сказок». Но в этот момент всем вдруг стало не по себе, будто они нечаянно переступили порог, который нельзя преступать. .

- Докажем, - повторил Гор и вдруг, выдержав паузу, полез в сумку. - Только для этого нужна жертва. Как в старые добрые времена.

Он вытащил из сумки испуганного котёнка. Грубо держа за шкурку. Тот неловко дёргал лапами и пищал - тонко, жалобно, еле слышно. Компания замерла. Кто-то нервно переступил с ноги на ногу.

- Вот наш агнец, - негромко, почти ласково произнёс Гор и достал из кармана моток проволоки. - Который берёт на себя грехи мира. Или не берёт. Сейчас проверим.

Кэт смотрела на его руки и не могла отвести взгляд. Ей вдруг показалось, что она спит. Только во сне может происходить такое: огонь, ночь, живое существо, которое смотрит на тебя, не понимая, за что. Гор опускал котёнка к пламени медленно, почти торжественно. Компания вокруг смеялась - нервно, подрагивающе, как смеются люди, которые не хотят

выделяться из толпы.

Котёнок заверещал громче, и в этом звуке было что-то невыносимо беспомощное. Кэт почувствовала, как к горлу подкатывает дурнота. В голове пронеслось: «Кем надо быть, чтобы творить такое? И кем надо быть, чтобы стоять и смотреть?»

- Дэн, - едва слышно выдохнула она.

Дэн вздрогнул и очнулся от дьявольского наваждения и сам уже шагнул вперёд. Но он не успел ничего сделать, Кэт оказалась быстрее. Она рванулась сквозь круг,хватила котёнка из рук Гора и, не оглядываясь, побежала прочь. В этот момент она не думала ни о чём - ни о Боге, ни о душе. Она просто не могла иначе.

- Кэт! - крикнул Дэн и бросился за ней.

Сзади донёсся смех Гора - одинокий, неестественно громкий, похожий на карканье.

- Ну и катитесь, святоши! - крикнул он им в спины, но в голосе сквозь браваду просквозило что-то ещё: быть может, зависть к тем, кто смог отказаться от искушения и испачкаться сатанинской грязью..

Они выбежали на центральную аллею. Кэт остановилась, тяжело дыша. В ладонях у неё дрожал котёнок - живой, тёплый, испуганный до полусмерти, но живой. Она прижала его к груди и почувствовала, как часто-часто колотится его крохотное сердце.

- Тише, тише, маленький, - прошептала она, судорожно

распутывая проволоку и слёзы наконец потекли по щекам. - Больше не отдам.

- Кэт... - Дэн подошёл ближе, положил ладонь ей на плечо.

- Ты как?

- Дэн, поехали отсюда, - проговорила она трясущимся голосом. - Пожалуйста. Я не могу здесь больше находиться.

- Поехали.

Он взял её за плечи, заглянул в лицо. Кэт была бледна как полотно, но взгляд - ясный и твёрдый. Такая, какой он любил её больше всего. Не яркая, не эффектная - настоящая.

Они почти бегом добрались до мотоцикла. Дэн завёл двигатель. Кэт надела шлем, бережно устроив котёнка за пазухой, и обхватила парня за пояс. Котёнок затих, словно понял, что опасность миновала.

В этот момент никто из них не заметил крадущуюся тень, что скользнула за деревьями. Бледная как сама смерть Тина смотрела им вслед, и лицо её в свете фонаря было странно спокойным - не лицо ребёнка, а лицо древней ревнивой богини, которая не прощает и готова на всё. Как сама Гера или Медея.

А мотоцикл набирал скорость. Ночной город летел мимо - полосами жёлтого, чёрного, красного. Дэн чувствовал, как Кэт прижимается к его спине, и ему вдруг стало так хорошо, так правильно, что захотелось крикнуть во весь голос.

- Я люблю тебя, Кэт! - прокричал он, перекрывая ветер.

- Я тоже люблю!

Он выжал газ сильнее - просто чтобы ощутить, как они разрезают эту ночь вдвоём. А потом мягко, почти интуитивно, попытался сбросить скорость перед поворотом.

Тормоз ушёл в пустоту.

Дэн нажал снова. Ничего. Ещё раз. Полный провал, будто педаль соединялась с пустотой. В висках застучало, тело пронзил первобытный ужас, а время вдруг растянулось, как резина.

- Кэт... - произнёс он, и в его голосе не было страха, только горькое, ледяное понимание. - Тормоз! Мы разобьёмся.

Она услышала. И вместо того чтобы закричать, только крепче прижалась к нему, чувствуя, как котёнок под курткой завозился и снова затих. В голове у неё пронеслось: «Вот и всё. Господи, если ты есть...» - но она не успела додумать молитву.

Мотоцикл на полной скорости влетел в ограждение моста. Короткий скрежет металла о металл, звон разбитого стекла и следом тишина, в которой не было ничего, кроме пара, поднимающегося от развороченного двигателя, и далёкого, едва слышного писка котёнка, каким-то чудом оставшегося в живых.

Глава 4. Вот Бог, вот порог

Мир вокруг был неестественно красен. Красное небо, красные машины, красные люди - всё сливалось в одно пульсирующее пятно, будто кто-то опрокинул на реальность банку с вишнёвым сиропом, и та заливала собой контуры предметов. Кэт не понимала, где заканчивается она сама и начинается этот новый, чужой мир. Звуки плавали в пустоте, но мозг не мог ухватить их смысл. Кто говорит? О чём? Она слышала голоса, обрывки фраз, и не могла собрать их воедино. Внезапно откуда-то сбоку с оглушительным рёвом вылетело чудовище - не зверь, не машина, нечто среднее - и закричало голосом младенца: «Уа! Уа! Уа!» Кэт не понимала, что происходит, да это было и не важно. Она чувствовала только одно: ещё пара секунд - и наступит благословенный, долгожданный покой.

Где-то очень далеко, на самой границе её гаснущего сознания, прорезался пронзительный женский крик.

- ...моя девочка! Катя! - голос срывался, бился о преграды на своём пути и разлетался вдребезги вновь. - Сделайте же что-нибудь!

- Женщина, отойдите! - резкий, почти грубый мужской окрик. - Давление падает! В сознание не приходит!

- Катя-я-я-я, Кэтичка... - голос мамы перешёл в вой, низ-

кий и утробный.

Звуки то обретали плоть, то снова истончались до звона в ушах. Кэт попыталась ответить, но не смогла - рот не слушался, язык стал чужим и неповоротливым. Она хотела сказать: «Мама, я здесь», но слова рассыпались, как сухие листья, не долетев до губ. Вместо этого перед глазами снова вспыхнула красная пелена, и вой сирены скорой помощи вонзился в мозг - не как звук, а как свет, острый, пульсирующий. Потом всё стихло.

Чернота поглотила сознание целиком, и в этой черноте не было ни мамы, ни скорой, ни боли. Только тишина - плотная, вязкая, как вода. Кэт качалась на её волнах, и это было почти приятно. Страха не было. Лишь желание покоя - глубокого, всепоглощающего, как сон без сновидений. Тишина длилась вечность - или секунду. Время потеряло смысл.

И тут сквозь толщу небытия пробился новый голос. Не мамин. Не врача. Спокойный, низкий, с хрипотцой уставшей женщины после долгой бессонной ночи борьбы за чью-то жизнь:

- Держись, девочка. Слышишь меня? Я тут. У нас с тобой ещё будет время поговорить, а пока - живи. Тебя ждут обратно. Ты слышишь? Обратно, говорю. Ещё не время тебе туда.

Кэт не могла ответить. Но где-то в глубине её существа, куда не дотягивались ни боль, ни страх, что-то слабо откликнулось на этот голос - как откликается замёрзший палец на тепло.

Голос Анны Сергеевны отдалился, растворился в писке приборов, в обрывках команд - «адреналин», «дефибриллятор готовьте», «отойти всем!» - и снова наступила тишина. Но теперь она была другой. Не вязкой, а пронзительной.

Кэт открыла глаза - или ей показалось, что открыла. Вокруг не было ни реанимации, ни мамы, ни врачей. Перед ней разверзлась огромная бездна, и она падала в неё - медленно, неумолимо, как лист в глубокий колодец. А там на дне, в самом низу пульсировало нечто гигантское, кипящее светом и тьмой одновременно, живое, дышащее, пронизанное алыми прожилками, как глаз великана. И оно неумолимо приближалось.

Кэт зависла над зияющей бездной и в тот же миг в мозг хлынул поток - звуки, образы, осколки воспоминаний. Но это не были её воспоминания. Чьи-то чужие лица, чьи-то голоса, обрывки событий, которых она никогда не переживала. Миг - и сознание стало растворяться в них, как сахар в кипятке.

Последнее, что она успела почувствовать, прежде чем перестать быть собой: это конец. И это начало чего-то иного. А где-то наверху, в мире живых, её сестра прижимала к груди перепуганного рыжего котёнка и выла в голос, не слыша себя.

Глава 5 Дни минувшего будущего

*Умрёшь - начнёшь опять сначала
И повторится всё, как встарь:
Ночь, ледяная рябь канала,
Аптека, улица, фонарь.*

Это утро было прекрасно: ветер теребил высокую траву, заставляя кузнечиков тревожно щелкать крыльями и перепрыгивать на более устойчивые стебли. Знойный воздух едва колебал листву. Две девушки шли по лесной тропинке, ветками разгоняя перед собой надоедливую мошкарку.

Младшая - Аля, которой недавно исполнилось двенадцать, - напевала про себя незамысловатую песенку и несла новёхонькое ведро, красиво сверкающее на солнце. Старшая - Катя, черноволосая и зеленоглазая, - держала на сгибе локтя большую плетёную корзину с тётушкиными гостинцами. Она была старше всего на три года, но в движениях её уже угадывалась взрослая, почти материнская собранность.

- Кать, а Кать! Может, отдохнём, а? - с надеждой в голосе спросила Аля.

- Давай дойдём до старого дуба, там и остановимся. Хорошо?

- Ну ладно... - устало вздохнула младшая. - А по пирожку

съедем? Уж больно они у тётки Мани вкусные, с грибами.

- Съедем. Один пополам. И дома так же. Нам ведь остальных угостить надо: и маму, и бабуся, и маленького Сашку. О! А вот и дуб!

Остановка вышла недолгой, но сладкой. Пирожок и вправду был хорош - с хрустящей корочкой и сочной начинкой. Аля ела и жмурилась, как котёнок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.